

УДК 394(512.145)

**ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
ТАТАР КАЗАХСТАНА****З.А. Махмутов, Т.А. Тимова***Аннотация**

В статье рассматривается этническое самосознание татар Республики Казахстан. Всесторонне освещаются вопросы, связанные с этнической идентификацией исследуемой группы, повышенное внимание уделяется другим важнейшим компонентам социальной структуры татар Казахстана: религиозной и гражданской идентичности.

Ключевые слова: татарское население Казахстана, социальная структура, этническая идентичность, религиозная идентичность, гражданская идентичность, трансмиссия.

Татары Казахстана – одна из самых многочисленных татарских диаспор в мире. В настоящее время, по данным Общеказахстанской переписи 2009 г., татар в Казахстане насчитывается 204229 человек [1, с. 5]. Татарское население Казахстана представляет собой конгломерат трех субэтнических групп волгоуральских татар (касимовских, казанских, татар-мишар) и сибирских татар, сформировавшийся в регионе в результате интенсивных процессов миграции. Субэтнические маркеры внутри татарской общины Казахстана, как показывают источники конца XIX в., имели конкретную этнокультурную основу. Так, если казанские татары отличались своей консервативностью, то касимовские, наоборот, – светскостью и свободой нравов [2, с. 10]: эти отличия, по всей видимости, определяли и брачное поведение татар, которые предпочитали эндогамные браки внутри своей субэтнической группы [2, с. 11]. Советский период в жизни татарской общины Казахстана ознаменовался активными процессами трансформации этнических, субэтнических и этнокультурных границ: с одной стороны, в СССР активно разворачивались процессы конструирования новой социальной общности – «советского народа», с другой стороны, широкое распространение получила «этническая категоризация», вследствие чего многие, во избежание этнической дискриминации, были вынуждены принимать так называемую «защитную этническую идентичность», то есть фиксировать иную этническую идентичность в официальных документах, которую принято называть номинальной [3, с. 107]. В советское время наличие номинальной идентичности было зафиксировано и у татарского населения СССР [4, с. 96], хотя их декларируемая идентичность, как правило, не приводила к негативным последствиям. Единичные факты фиксации номинальной идентичности в советскую

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-18034е).

эпоху нами были отмечены и у татар Казахстана. Однако значительно большее распространение получила русификация татарских имен, которую можно трактовать, с одной стороны, как своеобразный элемент «этнической защиты», с другой – как стремление занять более высокое место в иерархической структуре советского общества.

Из интервью¹:

«Я поменяла имя Гульзира на Галину, чтобы в школе детям меня было легче называть, они бы, наверное, язык сломали... Ну и для того чтобы не так сильно отличаться от всех остальных, хотя то, что я татарка, никогда особо не скрывала» (жен., 1933 г. р., г. Петропавловск);

«Я помню, как после уроков истории, когда проходили татаро-монгольское иго, нас сверстники обзывали монголами и наши мальчики (татары. – З.М., Т.Т.) дрались с русскими на переменах» (жен., 1931 г. р., г. Петропавловск);

«Когда мы играли на улице с русскими, они нас обзывали “колбитами”, “чучмеками”, “чуреками”. И я тогда никак не мог понять, почему они нас так называют» (муж., 1947 г. р., г. Петропавловск).

Аналогичные факты фиксируются в ряде исследований, посвященных изучению татарского населения в других регионах бывшего СССР [5, с. 47]. Воспоминания такого рода сохранились в памяти представителей старшего поколения. В современном Казахстане нами не зафиксированы случаи, когда татары стеснялись бы своей идентичности, хотя отмечены факты номинальной идентичности, которая воспринимается некоторыми респондентами как потенциальный социально-экономический ресурс. Таким образом, «советское» отношение к номинальной идентичности воспроизводится уже гражданами нового независимого государства, что, на наш взгляд, характеризует современную национальную политику в Казахстане.

Из интервью:

«Конечно, внутренне я ощущаю себя татаринком. Все родственники у меня практически татары, и внешне похож я больше на европейца, чем на казаха. У меня только дедушка по материнской линии был казах и мама записана по документам как казашка, но когда я пошел получать удостоверение, встал формальный вопрос о моей национальности. Мама посоветовала взять мне титульную национальность, поскольку жить мне в Казахстане и здесь работать. Папа, конечно, шутил очень по этому поводу, но выбор “казахской национальности” в документе мне показался логичным, и думаю, это мне поможет в будущем» (муж., 1987 г. р., г. Алматы).

Встречается номинальная идентичность и у детей из смешанных семей, которые в силу традиции или иных обстоятельств выбрали национальность отца. Дискомфорта от несоответствия номинальной и декларируемой идентичности они, как правило, не испытывают.

Из интервью:

«У меня отец русский, а мама татарка. Как-то само собой я взяла национальность отца, и было бы очень странно, если бы я с фамилией Иванова

¹ Исследование проводилось в 2005–2010 гг. в Северо-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Алматинской, Карагандинской областях Казахстана; было опрошено 739 респондентов и взято 133 глубинных интервью. Выборка респондентов проводилась методом “snowball”.

в документах была бы записана как татарка. Но то, что я русская по документам, никак не мешает мне возглавлять молодежное крыло татарского культурного центра, участвовать во всех татарских мероприятиях и ощущать себя татаркой» (жен., 1987 г. р., г. Павлодар).

У респондентов, чьи родители принадлежат к разным этническим группам, наблюдается биэтническая амбивалентность: они в равной степени относят себя к русским и татарам.

Из интервью:

«По документам я татарка. У меня отец русский, а мама татарка. Когда выбирала, какая национальность будет у меня в документах, выбрала “татарка”, хотела поехать учиться в г. Казань по специальной программе, но не получилось. Мне сложно сказать, к какой национальности я отношу себя в большей степени, наверное, в равной степени и к русским, и к татарам. Иногда мне кажется, что я в большей степени татарка: когда принимаю участие в мероприятиях татарского центра или прихожу на Сабантуй, а иногда в большей степени ощущаю себя русской, например, в церкви я чувствую себя уютнее, чем в мечети» (жен., 1988 г. р., г. Павлодар).

Отмечены нами и случаи трансформации этнической идентичности, когда с возрастом меняется и этническое самосознание респондентов.

Из интервью:

«Раньше, еще лет пять назад, я как-то в большей степени ощущала себя русской. Слушала только русскую музыку, разговаривала только на русском языке. И где-то со временем, постепенно что-то стало «татарское» во мне просыпаться. Стала слушать татарские песни, смотреть татарское видео, где-то татарские слова вставлять, типа «Исянмесез» или «Рахмат», хочу, чтобы муж у меня тоже был татарин» (жен., 1986 г. р., г. Караганда).

Нередко на актуализацию «татарской» идентичности оказывает влияние рост национального самосознания у казахов и актуализация национальной темы в казахстанском обществе.

Из интервью:

«Я приехала в Алматы на работу из России в конце 1980-х годов. Признаться, до этого времени моя национальность для меня не имела никакого значения. Но в нашем, преимущественно казахском коллективе, все стали воспринимать меня исключительно как татарку. То и дело подчеркивая это, – “ну ты настоящая татарка”, “вы татары...”, – и со временем я стала ощущать себя татаркой и горжусь этим» (жен., 1967 г. р., г. Алматы);

«Мне тяжело сказать, с какого именно момента я ощутил себя татарин, наверное, лет 5 назад какой-то патриотизм у меня проснулся. Хотя друзья татарин, меня еще со старших классов школы называли» (муж., 1987 г. р., г. Караганда).

Последний пример наглядно демонстрирует, как осознание своей этнической идентичности сообщается человеку окружающим его иноэтничным окружением и определяет в дальнейшем его самоидентификацию. Наши наблюдения показывают, что процесс актуализации этнической идентичности является следствием национальной политики государства, которое напоминает своим гражданам об их этничности: в паспорте, в удостоверениях; даже в библиотечном

абонемента имеется графа «национальность», что заставляет граждан вспоминать о ней, даже если она для них неактуальна.

Согласно тесту Куна – МакПартленда, призванному выявить актуальность категории «этничность» в самоидентификации опрошенных респондентов, практически каждый второй татарин Казахстана в одном из ответов обозначил свою этническую идентичность. Отметим, что этот показатель выше, нежели у татар в Татарстане [6, с. 240]. Более чем у 20% опрошенных нами респондентов национальная принадлежность является приоритетной категорией. Схожие данные были получены во время общеказахстанского опроса 2001 г., по материалам которого более 25% татар идентифицировали себя, исходя из своей национальной принадлежности [7, с. 104]. Наиболее высокую актуальность этнической идентичности продемонстрировали татары Северо-Казахстанской, Алматинской и Павлодарской областей, а наименее высокую – Костанайской области.

В настоящее время подобная «востребованность» этнической идентичности среди татар Казахстана свидетельствует, во-первых, о том, что татары свою национальную принадлежность воспринимают достаточно позитивно, а во-вторых, о неблагоприятном, социально нестабильном положении в регионе. Исследователями замечено, что когда другие социальные конструкты слабы, значимость этнического «Я» увеличивается [8, с. 19]. Так, например, среди татар Казахстана слабо выражена их гражданская идентичность: лишь 13% респондентов упомянули свое гражданское «Я» в структуре социальной идентичности. Однако в то же время около трети татар считают Казахстан своей Родиной. Высок уровень гражданского самосознания у татар, проживающих в Алматинской области; низок – у татар северных территорий, граничащих с Россией (в Северо-Казахстанской, Павлодарской и Костанайской областях). Связано это, на наш взгляд, с исторически сложившимися тесными экономическими, социальными, культурными связями, существующими между приграничными российскими и казахстанскими регионами. Достаточно большое количество казахстанской молодежи получает образование в российских вузах.

Из интервью:

«Я учусь в Омске уже 4 года. На Родину тянет, стараюсь бывать здесь раз в месяц точно, здесь у меня дом, родители, школьные друзья, родственники. Однако чувствую, что я психологически уже поменялся. У меня нет еще российского гражданства, но ощущаю я себя в большей степени уже россиянином» (муж., 1988 г. р., г. Петропавловск);

«Я даже не знаю, кто я больше: россиянин или казахстанец, хотя гражданство казахстанское. Детство мое прошло в Троицке, и это моя Родина, там мои родители до сих пор живут. В Костанай я перебрался лет двадцать назад, здесь у меня небольшой бизнес, который меня кормит. Товар сюда я возжу из Челябинска, так что почти каждые две недели бываю в России. И если бизнес мой здесь “накроется”, уеду в Челябинск» (муж., 1962 г. р., г. Костанай).

Многие татары не чувствуют себя в Казахстане «своими».

Из интервью:

«Здесь все со временем становится казахским. И это правильно, потому что здесь их государство. Другое дело, как нам быть?» (муж., 1988 г. р., г. Костанай).

В целом слабо выраженная гражданская идентичность свойственна и многим другим этносам, проживающим как в Казахстане [9, с. 27], так и в России [8, с. 38], что, на наш взгляд, свидетельствует о несформированности новой «казахстанской» или «российской» идентичности в их сознании.

Согласно нашим материалам, для 15% татар, родившихся в Казахстане, Родиной продолжает оставаться Татарстан, в котором многие из них ни разу не побывали, что показывает: представление о Родине у этой группы респондентов ассоциируется в первую очередь с исторической родиной, с национальным языком и культурой. Как отмечает Е.О. Хабенская, подобная мифологизация «родины» в качестве «этнической территории» является неотъемлемым элементом гипертрофированного этнического самосознания [10, с. 70].

Из интервью:

«Хоть я и родилась здесь, моя Родина – это, конечно, Татарстан. Всегда мечтала умереть на своей исторической Родине и еще продолжаю надеяться на то, что моя мечта все-таки сбудется» (жен., 1927 г. р., г. Петропавловск);

«Когда я побывал в Казани на Тысячелетии, я понял, что именно там находится моя Родина. Татарская речь, татарские песни, родная культура – вот что дает ощущение того, что это твое родное место» (муж., 1946 г. р., г. Павлодар).

Эмоциональное восприятие Родины татарами Казахстана нередко вступает в противоречие с рациональным, что приводит к противопоставлению в их сознании родины «настоящей» и «ненастоящей».

Из интервью:

«Я в Костанайе родился, говорят, где родился там и родина, ну все равно не по душе мне это, чужой я здесь. Все-таки татарин должен жить в Татарстане, на своей настоящей родине» (муж., 1987 г. р., г. Костанай).

Однако часто это противопоставление не ощущается, так как восприятие Родины оказывается бинарным. Так, около 12% татар Алматинской области считают своей Родиной в равной степени и Казахстан, и Татарстан. У некоторых респондентов понятие Родины объединяет три элемента: малую родину (город, где они родились), большую родину (страна, в которой они живут), и историческую родину (Татарстан).

Однако почти для половины татар Казахстана представление о Родине весьма конкретно: поселок, город Казахстана, в котором они родились и проживают, что свидетельствует о высокой актуальности для данной этнической группы локальной идентичности.

Из интервью:

«Для меня Родина – это город Алмата. Считать, что весь Казахстан – это Родина, неправильно. Казахстан – огромная территория, и везде разная» (жен., 1983 г. р., г. Алматы).

Единичны случаи наличия в структуре идентичности татар компонентов, указывающих на их субэтническую идентификацию. Однако и в этих случаях субэтническая идентичность в социальной структуре идентичности не подменяет этническую, а по степени значимости уступает ей, что свидетельствует о том, что татары Казахстана воспринимают себя исключительно как представители единой татарской национальности. Более того, у многих татар Казахстана

преобладает «суперэтническое самосознание»: к татарской общности татары относят не только разные субэтнические группы, но и другие народы: башкир и крымских татар. Отметим, что в регионах Казахстана функционируют, как правило, объединенные татаро-башкирские культурные центры.

Причиной внутриэтнической дифференциации, не имеющей субэтнической основы, для отдельной группы татар Казахстана служит общее историческое прошлое, в частности эмиграция в 20-е годы XX века в Китай и репатриация в 50-е годы, которые еще достаточно свежи в памяти респондентов и так или иначе отражаются в структуре их самоидентификации. По мнению некоторых респондентов, «татар из Китая» объединяет не только общая история, но и некоторые специфические черты ментальности.

Из интервью:

«У нас (татар из Китая. – З.М., Т.Т.) сложилась несколько иная история, нежели у всех татар, что, наверное, и предопределило некоторые наши отличия в характере, образе мышления, отношении к окружающим нас людям. Мы привыкли находить общий язык практически с каждым народом, очень сплочены, практически как одна семья» (муж., 1953 г. р., г. Алматы);

«У Гумилева есть такое понятие, как «пассионарная личность». Вот таких людей очень много среди татар, вернувшихся из Китая. Нас отличает редкая мобильность и “приспособляемость” к практически любым обстоятельствам, в то же время мы легки на подъем, почти в каждом поколении – переезды и освоение новых территорий. А вот еще один штрих из личных воспоминаний: направляясь на учебную практику в Казань, я услышала от своей родственницы такую примерно фразу: «Можешь обратиться за помощью к дяде (троюродному, которого я ни разу в жизни до этого не видела), он – “китайский” татарин, не местный, а значит, лучше помнит и ценит родственные связи» (жен., 1967 г. р., г. Алматы).

Этнограф Г.Ш. Файзуллина отмечает «Мы можем говорить о том, что за относительно короткий срок (в течение примерно 100 лет) произошли изменения в системе расселения и образе жизни этнографической группы татар. Дискретность размещения и городская среда превратили их в подвижное население, в опытных мигрантов, хотя в отличие от крымских татар подобное переселение было добровольным. Это подтверждается и данными родословной – почти невозможно достоверно заполнить графу ответов на вопрос о месте проживания респондентов. Почти никогда не совпадает место рождения с местом смерти. Вопрос “откуда Вы?” имеет множество подтекстов для представителей подобных групп – “где Вы живете в данный момент?”, “где родились Ваши дети?”, “где Вы родились?”, “где родились Ваши родители?”, “где Ваша историческая родина?” и т. д.» [11, с. 85].

Зафиксированы нами и случаи наличия в этноидентификационной структуре татар компонентов, связанных с исторически сложившимся компактным проживанием их в определенном месте города. Так, например, некоторые татары г. Костаная идентифицируют себя как «наримановцы» согласно неофициальному названию татарской части города – «Наримановка».

Существенную роль в самосознании татар играет и их религиозная принадлежность. Более чем 22% татар идентифицировали себя как мусульмане.

Ислам оказывает существенное влияние на формирование «социальной матрицы» респондентов. Более 60% мусульман упомянули свою национальную принадлежность, отвечая на вопросы теста Куна – МакПартленда (корреляция $r = 0.2$ – «слабая» по шкале Чеддока, коэффициент корреляции статистически значим). Наиболее ярко в Казахстане религиозный компонент прослеживается в структуре этнической идентичности татар Северо-Казахстанской области. Отметим, что только в г. Петропавловске, административном центре Северо-Казахстанской области, функционирует независимая от казахстанского духовного муфтията татарская мечеть.

Этнические процессы в эпоху глобализации обусловлены нарушениями вертикальной и горизонтальной этнокультурной трансмиссии, что придает особое значение учету возрастного фактора при изучении ответов респондентов. У татар Казахстана этот фактор приобретает особую актуальность, поскольку определен неодинаковыми условиями социализации: старшее и младшее поколения татар в силу политических трансформаций воспитывались в разных государствах.

Мы разделили ответы респондентов на три группы согласно их возрасту.

1. От 18 до 30 лет – поколение, социализировавшееся после распада СССР, формирование сознания и мировоззрения которого происходило практически целиком уже в период суверенитета Казахстана. 61% респондентов этой группы упомянули этническую принадлежность, 9% поставили этническую принадлежность на первое место.

2. От 30 до 60 лет – поколение, социализировавшееся еще в советское время. Тем не менее большинству из них после суверенизации Казахстана пришлось менять привычную для себя сферу деятельности, искать свое место в «новом мире». 40% респондентов этой группы упомянули этническую принадлежность, 20% поставили этническую принадлежность на первое место.

3. Старше 60 лет – поколение нынешних пенсионеров, большая часть жизни которых приходится на советскую эпоху. В суверенном Казахстане их карьерные и финансовые достижения обесценились, а в силу возраста строить новую жизнь им было уже крайне сложно. 65% респондентов этой группы упомянули этническую принадлежность, 47% поставили этническую принадлежность на первое место.

Мы видим, что у более молодых респондентов этническая идентичность перестает играть доминирующую роль в социальной структуре личности: на первое место выходят более объективные характеристики (личностная, семейная, профессиональная идентичности). Однако частота упоминания этнической принадлежности у татарской молодежи в социальной матрице по сравнению со средней возрастной группой увеличивается, что объясняется иными условиями социализации. Если период социализации респондентов средней возрастной группы совпал со временем, когда этнонигилизм в СССР был наиболее активным, то период социализации респондентов младшей группы пришелся на конец 80-х – начало 90-х годов – время роста национального самосознания практически всех народов советского пространства.

Итак, татарское население Казахстана имеет четко выраженную этническую идентичность. Для достаточно большого числа татар этничность является

более существенной, нежели гендерная, профессиональная, семейная, гражданская принадлежность. Этническая идентичность достаточно динамична и имеет возрастную и региональную специфику. Молодое поколение татар перестает воспринимать этническую принадлежность как превалирующую категорию социальной идентичности, однако и среди молодежи актуальность ее достаточно высока. Полученные данные свидетельствуют о том, что а) этничность для татарского населения Казахстана на современном этапе продолжает оставаться психологической опорой, «надежной» категорией социальной идентичности; б) этническая идентичность татар Казахстана определяется как внутренними, так и внешними границами. Внутриэтническая дифференциация связана в первую очередь с общей исторической судьбой многих татар Казахстана, эмигрировавших в 20-е годы XX века в Китай и репатриированных в 50-е годы. Внешние границы этнической идентичности для современного татарского населения Казахстана не совпадают с границами субэтнических этнокультурных различий, а для некоторых – и общепринятых этнических (языка, культуры, происхождения и т. п.) маркеров.

Summary

Z.A. Makhmutov, T.A. Titova. The Ethnicity in the Social Structure of the Tatars of Kazakhstan.

The paper studies the ethnic identity of the Tatars of Kazakhstan. The issues related to the ethnic identification of the group under study are thoroughly covered. Special attention is paid to other important components of the social structure of the Tatars of Kazakhstan, i.e. religious and civic identities.

Key words: Tatar population of Kazakhstan, social structure, ethnic identity, religious identity, civic identity, transmission.

Литература

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: Стат. сб. – Астана, 2010. – 297 с.
2. *Белиловский Ц.А.* Медико-статистический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчет за 1886 год. – Томск, 1887. – 155 с.
3. *Коростелев А.Д.* Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 86–110.
4. *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири // Сов. этнография. – 1972. – № 6. – С. 57–97.
5. *Карпенко О.* Быть «национальным»: страх потерять и страх потеряться. На примере татар Санкт-Петербурга // Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 37–96.
6. *Мусина Р.Н.* Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Татарстан // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – С. 229–250.
7. *Телебаев Г.Т.* Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социол. исслед. – 2003. – № 3. – С. 101–109.

8. *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. – М.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. – 203 с.
9. *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.* Казахстанская модель межэтнической интеграции. – Алматы: Центр гуманитар. исслед., 2002. – 398 с.
10. *Хабенская Е.О.* Татары о татарском. – М.: Наталис, 2002. – 206 с.
11. *Файзуллина Г.Ш.* Генеалогии как источник по истории формирования «китайской» группы татарской диаспоры Казахстана // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2006. – Т. 5, Вып. 3–1. – С. 74–85.

Поступила в редакцию
10.02.12

Махмутов Зуфар Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань.

E-mail: zufar@inbox.ru

Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: tatiana.titova@rambler.ru